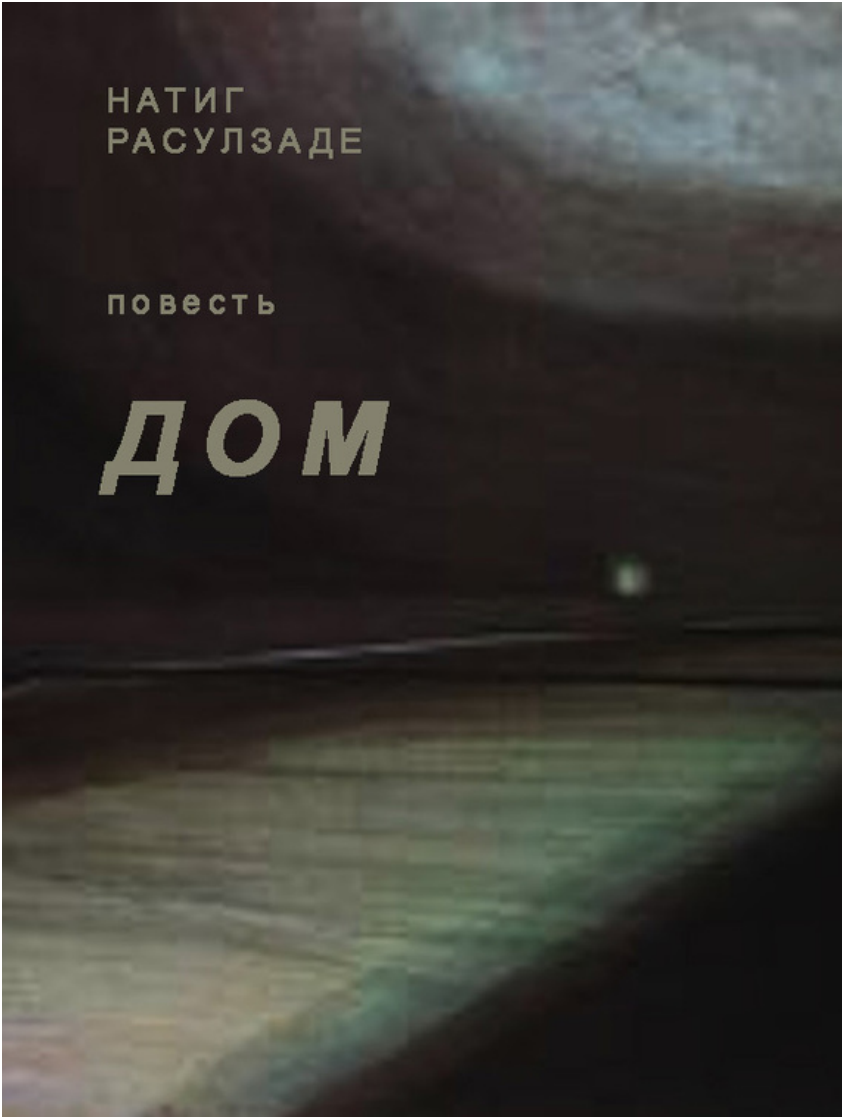
НАТИГ
РАСУЛЗАДЕ
повесть
ДОМ

Натиг Расулзаде
Дом

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4977372

Аннотация

Человек, доведенный до нервного истощения суетой и напряженной жизнью большого города, решает в одночасье покинуть его и уехать куда глаза глядят.

Он садится на поезд, едет и через двое суток выходит на первой понравившейся ему станции… и попадает на некий оторванный от мира островок среди огромной, как океан степи, на котором живут несколько странных обитателей. Обратно возвратиться, как выясняется, он не может, поезда почти не проходят отсюда, а если и проезжают, то не останавливаются. Он не может ужиться среди обитателей станции, которую они называют «Дом». Он стремится уйти, убежать, хотя понимает, что это смертельно опасно: фантастически необитаемая, громадная степь может поглотить его, и он погибнет. Но общество людей, которое он так неосторожно покинул и которое возненавидел, зовет и манит его, теперь оно, покинутое кажется ему благословенным раем, он привык к тому обществу, к той торопливой, безумно-стремительной, изнуряющей жизни, а здесь, на станции он не может ужиться среди людей, напоминающих тихо помешанных. Справившись с делами,

возложенными на него на этом островке сумасшедших, он ночью покидает их, шагает по рельсам, с целью вернуться, или хотя бы дойти куда-нибудь. Уже теряя сознание на четвертые сутки от взбесившегося солнца, он вдруг обнаруживает, что рельсы, по которым он бежал, потом шагал, потом полз, что эти рельсы… уходят в землю. Степь убивает его, не ценившего город, который он покинул, людей, с которыми ежедневно общался, свою женщину, с которой он не попрощался, надеясь на скорое возвращение, в то же время не желавшего смириться с жалким существованием среди странных обитателей станции, на которую забросила его судьба.

Натиг Расулзаде
Дом

Этот поезд мне чертовски надоел за трое суток езды в нем. Грязный от пола до, казалось, годами немытых стекол окон, которые не хотели ни опускаться – закрытые, ни подниматься опущенные, так что в коридор задувал ветер, нанося солидный слой пыли на все, что тут имелось. Плевки и раздавленные окурки на полу. В купе тоже было не чище. Клубы дыма. Громкие разговоры за стеной. Впечатление, что стена эта сделана из картона – такая слышимость. Дурацкая игра в подкидного, сопровождающая, как правило, все поездки; игра, кажется, столь же древняя, как сама идея передвижения в пространстве в обществе таких же, как ты сам, болванов. Хмурая, с вечно испачканным подбородком проводница, старающаяся подсунуть вам теплый и светлый, как моча, чай. Мне все представлялось, что, когда ей это удавалось, проводница, заперевшись в туалете, сев на унитаз, хихикает, потирает руки, чтобы дать выход своим чувствам. В холодном и вонючем туалете. Я ее возненавидел. Хватило бы и двух часов, чтобы возненавидеть ее, а за одно и всю эту поездку, весь вагон, купе, дикие, беспричинные взрывы хохота за стеной; стук костяшек домино серопижамных, напоминающих пациентов психбольницы, попутчиков; пронзительный, как зубная боль, непрекращающийся плач

ребенка за два купе от нашего, дискомфорт; холод по ночам, неизвестно откуда берущийся, если вспомнить, что середина мая, довольно-таки теплого, чтобы не сказать жаркого… Все это я возненавидел до того сильно, что решил сойти с поезда на ближайшей станции. Когда я осведомился у проводницы, она, предварительно поковыряв толстым пальцем в зубах, зло и официально, будто радио на платформе, объявила, что ближайшая станция только через шесть часов, то есть од утро, и называется она – Городок. «А какая она из себя? – глупо спросил я, изо всех сил притворяясь, что общение со столь обходительной проводницей доставляет мне удовольствие и хочется его немного продлить. – Что это, на самом деле городок? Жить в нем можно?» «А кто его знает… – не сразу ответила она, предварительно посмотрев на меня так, будто я нахамил ей; но тут же взгляд ее стал презрительным, видимо, своим наметанным оком она угадала во мне бездельника, которому все равно куда ехать и где выходить. – Называется Городок. А жить… можно, наверно, раз живут в нем…»

Я с облегчением прекратил расспросы и поспешил отойти от неприветливой проводницы, пока она не начала ковыряться в заднице, вошел в купе, где густо воняло носками и стоял трехголосый храп, и прилег на свою нижнюю полку. Городок… Какое безликое название, бледное, стершееся… Городок… Обесцвеченная алая роза-цветок. Ну, черт с ним, пусть будет Городок… Мне до того здесь надоело, что все

равно я должен выйти на той станции, отдохнуть день-два, а потом отправлюсь в путь на другом, может, не таком занюханном и противном поезде. Впереди меня никто и ничто не ждало, позади – бесполезное прошлое, изредка напоминающее о себе всплывавшим осадком горечи; я был свободен и решил, что мое настоящее вполне могло бы пройти в этом без цвета и запаха в моем представлении – Городке. С этим я и заснул. Но странное дело: проснулся я ровно за десять минут до станции, обещанной проводницей, будто кто разбудил меня, хотя до самой минуты пробуждения спал крепко. Я вышел в коридор. Было еще темно, в окна поезда смотрела ночь, и лишь еле заметная розоватость на далеком краешке неба предвещала скорый рассвет.

– Вот он, Городок, – вдруг услышал я за спиной вкрадчивый голос и вздрогнул от неожиданности.

– Фу, как вы меня напугали… Вы что, подкрадывались, что ли?..

Неопрятная, с опухшим – после сна или бессонницы – лицом проводница даже не обратила внимания на мое восклицание, да так естественно, будто я и рта не раскрывал. Дивиться ее поведению можно было бесконечно: то облает вместо ответа, то, изменив голос, подкрадется и напугает, то вместо минеральной принесет спитой чай и неуклюже прольет на брюки и, не извинившись, уйдет; но я уже немного привыкал к ее странностям и потому не стал настаивать, чтобы она непременно среагировала на мои слова, а пере-

вел взгляд туда, куда она, выпучив свои – никак их иначе не назовешь – буркалы, показывала, да так, будто узрела за стеклом свою покойную тетку которую отравила прошлым летом, чтобы завладеть ее серебряным колечком и шестьюдесятью тремя рублями в кошельке. Я увидел вдали по ходу поезда россыпи огней, не дружные кучки перемигивающих в темноте огней, то там, то здесь, и это показалось мне довольно странным: люди в Городке не спали в такое время, причем – все. Под утро, когда самый сладкий сон, и когда я, черт знает почему, проснулся; на весь поезд один, наверное, такой умник нашелся. По крайней мере, весь наш вагон, кроме меня и проводницы, спал.

– Они не спят в такое время, – пробормотал я, всматриваясь в огоньки в убывающей ночи.

– Надеюсь, не из-за моего приезда?..

– Вы здесь выходите? – опросила проводница хмуро.

– Я вижу, вас это не радует.

Мне начхать на это! – вдруг почему-то вспылила она.

Просто я дала знать главному машинисту, что в Городке будут выходить. Чтобы он остановил. Видите, сколько из-за вас хлопот, – сказала она и, резко взяв с места, пошла к себе.

– Но… Но, погодите, как же… Что значит – остановил? Разве… Я не понимаю… – Потом поймете, – сказала проводница, широко зевнув и юркнула, как большая крыса в свою нору, хлопнув дверью так, что любая другая дверь превратилась бы в щепки. Видимо, таким образом она намекала,

чтобы ее ни в коем случае не беспокоили.

Я зашел в купе, где по-прежнему стояла густая вонь и храп, взял свой чемоданчик. Я всегда путешествую налегке. Особенно, когда уезжаю беспричинно в никуда, вот, как сейчас, к примеру, и еще даже приблизительно не знаю, когда вернусь обратно. С чемоданом в руке я стоял в коридоре и смотрел на огоньки Городка, к которым, замедляя ход, подходил осточертевший мне поезд. Наконец, он подъехал к платформе. Из своей норы вылезла проводница, почему-то с кобурой на поясе, молча, поспешно открыла мне дверь и тут же, едва успел я выскочить – кажется она даже вытолкнула меня слегка – захлопнула дверь с такой силой, что окажись там моя нога, быть бы мне инвалидом. Поезд, будто ждал этого, дернулся и пошел, но не так, однако, плавно, как можно было ожидать от поезда дальнего следования. Когда я ступил на камень платформы (Земля! – закричали матросы, размахивая чемоданчиками), стало ясно, что она, платформа, явно не рассчитана на такие длинные составы, она была чуть не вдвое короче поезда, так что добрая половина состава оказалась хвостом, на которую платформы не хватило, и если б из тех вагонов выходили пассажиры, им пришлось бы… Но тут я вовремя заметил, что никто здесь, кроме меня, не вышел из поезда. Не доброжелательное выражение проводницы в окне осточертевшего мне вагона поплыло, оставаясь по-прежнему недоброжелательным. Поезд ушел. Я провожал взглядом его растворявшиеся в предутреннем тумане красные огонь-

ки на уровне крыши последнего вагона, пока они не исчезли вовсе. Только тогда вдруг' я обнаружил, что не так уж одинок на этой платформе. Недалеко от меня стоял пожилой мужчина в форменной фуражке, вероятно, начальник маленькой этой станции, чуть поодаль от него – молодой, очень худой мужчина, напоминавший дистрофика, и тоже в фуражке; почему-то я сразу признал в нем телеграфиста и не ошибся. Рядом с ним лежала большая беспородная собака, тихая, как кошка. И начальник станции (который и оказался им, как я предполагал), и угаданный телеграфист, и даже собака (которая тоже оказалась собакой, несмотря на кошачью тихость, или тихую кошатость) так удивленно таращились на меня, что я немного опешил, стал озираться, смущенно оглядывать себя и, хоть и не собирался, но, учитывая, что мир в данном случае сузился до размеров платформы, где мы все стояли, и это, вероятно, как-то косвенно сближало нас, я поздоровался и был оставлен без ответа. Они будто онемели, разглядывая меня. Мне стало неприятно оттого, что они не ответили на мое приветствие, которое я и так через силу извлек из себя, потому что не привык здороваться с незнакомыми людьми. Наконец, пожилой – а вернее, приглядевшись, его с полным основанием можно было назвать стариком – будто пришел в, себя, медленно, как сомнамбула, подошел ко мне с вытянутой рукой и с таким видом, словно желал прикоснуться ко мне, чтобы убедиться, что я ему не приснился. По крайней мере, выражение лица у него было именно такое: ему не ве-

рилось, что я стою рядом, на одной с ним платформе. Стоит ли говорить, как я был удивлен и озадачен подобным поведением взрослого человека.

– Вы?.. – заговорил он не совсем понятно. – Вы… – он вдруг запнулся, будто силы отказали ему. – Вы здесь вышли из поезда?..

– Да, – сказал я, пожав плечами. – Я вышел. Не понимаю, что тут… – Вам здесь кто-то нужен? – прервал меня телеграфист диким вопросом.

– Кто-то нужен?.. – я все больше впадал в недоумение.

– Что значит – кто-то нужен?..

– Видите ли, – неожиданно совершенно другим тоном заговорил начальник, – у нас тут, на нашей станции, никто не вы ходит.

– Не понимаю, – сказал я и замолчал в ожидании каких-нибудь объяснений.

– Дело в том, – заговорил снова тощий телеграфист, – дело в том, что здесь незачем выходить.

– Что вы этим хотите сказать? – вынужден был я снова задать вопрос, так как он замолчал.

– Видите ли, – сказал начальник с видом человека, которому приходится объяснять очевидные вещи и потому ему трудно и неинтересно. – Это станция. Просто станция.

– Да, – сказал я. Просто станция. И что?

– Больше ничего, – сказал начальник. – Понимаете, здесь больше ничего нет, кроме этой станции.

– Что? – спросил я. – Не понял, простите.

– Это просто станция, – стал пояснять, как слабоумному, тощий телеграфист (ТТ – как я тут же назвал его про себя).

– Станция. Маленькая станция посреди огромной степи.

– Степи? – мне показалось, что ослышался. – Как степи?.. Мне сказали, что здесь Городок. Мне в поезде сказали.

– Да. Это верно, – проговорил начальник. – Но Городок – это просто название. Никакого Городка на самом деле нет.

– Как? Что значит нет? – постепенно я переставал верить в реальность происходящего; или все это походило на дурную шутку, дикий розыгрыш не совсем здоровых людей. – Я же сам видел огни домов…

– Это так. По ночам вся степь в каких-то непонятных огнях. То есть не вся, а какой-то определенный участок степи, как раз за нашей станцией. Мы не знаем, что это. Мы туда не ходим ночью. Из-за этих огней все и думают, что здесь Городок. Но на самом деле никакого Городка. Вы можете сами убедиться, – сказав все это, ТТ легонько дотронулся до моей руки, приглашая идти с ним.

Уже совсем рассвело, утренний туман рассеялся, и видимость была прекрасной. Степь перед станцией казалась ужасающе пустой и бескрайней. ТТ подвел меня к краю платформы, где кончалось серое здание вокзала, и такую же степь, абсолютно без всякого признака жилья, я увидел и с другой стороны станции. Я опешил. Что же это? Получалось, что станция – какой-то нелепый островок среди этой огром-

ной выжженной степи.

– Вот это да… – только и смог произнести я. – А Городок…

Нет никакого Городка, – сказал начальник, подошедший вслед за нами к краю платформы. – Никакого Городка. Но пассажиры поезда не знают об этом. Они-то проезжают отсюда только ночью, когда вовсю полыхают огни в степи. И тем, кто не спит, чудится Городок. Поезд здесь стоит пять секунд, да и то не всегда. Вот и прозвали по неведению. Но здесь, кроме нашей станции, ничего нет, и вы теперь в этом убедились. Да?

– Да, – машинально, бездумно повторил я за ним. – Но как же?.. Скажите, а когда будет следующий поезд?

– Следующий поезд? – начальник изумленно глянул на меня, будто я спрашивал о сроках его смерти.

– Это одному только Богу известно, – произнес ТТ обычную фразу с несколько акцентированной религиозностью. – Поезда мимо нашей станции идут крайне нерегулярно. Следующий может быть через неделю, а может – и через год. Однажды уже случалось такое: поезда на нашей станции не было четырнадцать с половиной месяцев. Мы даже, честно говоря, и не ждем их больше. Поэтому мы и удивились, увидев вас тут. Здесь никто не выходит.

– Что же… – я был в крайней растерянности, не в силах пока переварить всю ту нелепую информацию, что получил от этих двоих. – Что же мне делать?..

– Да-а… – проговорил начальник. – Задача… Ну, мы вас устроим. Но, сами понимаете, живем мы тут, так сказать, одной семьей, все свои. Так что, ничего не попишешь, вынуждены принять вас в семью. Будете, так сказать, гостем семьи. А ты, – обратился он к ТТ, – иди, срочно телеграфируй, что у нас произошло ЧП. Высадился пассажир. Не знаем, что делать. Ждем указаний. Ну и все такое, сам знаешь. Пусть у них тоже голова болит.

ТТ кивнул и ушел внутрь здания. Начальник поглядел на меня с доброй улыбкой и покачал головой:

– Да, задали вы нам задачу.

– Я не доставлю вам хлопот, – пообещал я, все еще мало что понимая и имея в запасе кучу вопросов к нему.

– Как это вас угораздило сойти именно здесь?

– Да я, собственно говоря… – начал я, теряясь, не желая, чтобы он думал обо мне, как о бездельнике, которому все равно, куда ехать и где выходить из поезда. – Я ехал отдохнуть… Поменять обстановку. А Городок мне понравился, то есть огни Городка так манили… Я и решил…

– Понятно, – произнес начальник, хотя по его виду вряд ли ему на самом деле было понятно, как это человек вдруг так просто, за здорово живешь, может взять и выйти на незнакомой станции.

– Что ж, берите ваш чемоданчик, пойдемте устраиваться. Шикарных апартаментов не обещаю, но комнату с рукомойником могу предоставить… – Он шел впереди меня и то ли

кряхтел, то ли посмеивался. – Да, пассажир, вляпались вы. Когда еще поезд придет… А часто они и вовсе не останавливаются на нашей станции, просто проскакивают на полном ходу… Да-а, история. Нашли, где выходить… Хе-хе-хе…

Как только мы вошли в маленький зал (это, видимо, был зал ожидания, сохранились даже пожелтевшие листки расписания поездов на стене и стойка буфета в углу, но теперь зал был обставлен по-другому и оставались лишь намеки на то, что это был некогда станционный зал ожидания; были убраны ряды кресел для пассажиров и посреди зала поставлен один большой, длинный и низкий стол, окруженный этими самыми креслами, а в конце зала было что-то похожее на отдельные кабинки для переодевания), нас тут же обступили, несмотря на раннее утро и это, надо полагать, было все население станции. Видимо, расторопный ТТ успел всех поднять на ноги и ошеломить необычной вестью, подумал я, но оказалось, что я не совсем прав; хотя мое появление и в самом деле ошеломило всех, но подняло их на ноги ни свет ни заря само прибытие поезда, что, как потом выяснилось, было замечательным и редким событием здесь. Я среди них, изумленно разглядывавших меня, чуть ли не трогавших руками, чувствовал себя, будто пилот самолета, потерпевшего крушение, который попал в плен к первобытному племени в самом сердце джунглей. Если не считать начальника станции и ТТ, уже знакомых мне, тут были жена начальника, дородная, белая, малоподвижная женщина с лоснящимися воло-

сами, не произнесшая ни звука при нашем знакомстве; бывшая буфетчица с таким стертым лицом, что сразу я затруднился бы определить ее возраст, но жеманная не в меру и не соответственно возрасту, каким бы он ни был; хмурая, чем-то неуловимо напоминавшая ТТ, дочь начальника станции, и пожилая супружеская пара, с виду добряки и безобиднейшие люди – сторож и его жена. Мы перезнакомились, и я был принят в их общество, как незваный гость, но гость, которого не прогонишь, потому что некуда.

Мне выделили маленькую комнатку, и на самом деле, как обещал начальник станции, в ней был рукомойник, очень вместительный, но местами проржавевший, была там и койка (иначе это приспособление для спанья не назовешь, на кровать она была мало похожа, именно походная койка-раскладушка) и еще узкий шкаф с двумя отделениями, одно – с полками для белья, другое – для костюмов и пальто. Окно комнаты, почему-то зарешеченное крепкой, чуть не тюремной решеткой, выходило как раз на платформу, на передний фасад здания вокзала. Судя по решетке, можно было догадаться, что раньше в этой комнате располагалась канцелярия, и в ней, возможно, хранились секретные документы, потому и такая предосторожность с окнами. И догадка моя подтвердилась в какой-то мере, когда то, что я принял за табурет перед столиком, оказалось маленьким, но довольно тяжелым сейфом, аккуратно прикрытым покрывалом до пола и, таким образом, предлагаемым мне в качестве сиде-

нья перед столом, если мне здесь вообще понадобится сидеть за столом. Внешний вид койки хоть я и устал очень, был до того отталкивающим и не располагающим к отдыху, что при одном лишь взгляде на это неуклюжее сооружение, сон у меня моментально пропал и захотелось поскорее выйти из этой конуры (будто нарочно уставленной надолго портящими настроение вещами) и пройтись хотя бы по платформе, подышать свежим воздухом. Но тут как раз дверь моей комнаты несколько бесцеремонно открылась (именно – несколько, потому что открылась дверь, хоть и без предварительного стука, но как-то слишком уж робко, слабыми, нерешительными рывками, будто за дверью стоял ребенок, открывая дверь, все время сомневался стоит ли?) и на пороге появилась жена сторожа вокзала, который непонятно что здесь сторожил… Впрочем, все было не понятно, начиная от ТТ (тощего телеграфиста, как я сокращенно его окрестил, потому что он мне сразу же не понравился, видимо, вследствие того, что мое появление здесь, мягко говоря, не вызывало в нем особого воодушевления; вскоре я догадался почему: он, возможно, увидев меня, сразу же подумал о потенциальном сопернике в деле обхаживания не менее тощей дочки начальника, хотя тут налицо тот факт, что длительное, надо полагать, обхаживание уже дало свои плоды – эти двое походили друг на друга, хоть и не были супругами; очевидно, дремучий начальник считал своего подчиненного не очень выгодной партией для дочери и ждал появления принца в этой глу-

ши, забытой Богом. Однако я увлекся) и кончая молчаливой собакой, которой даже полаять на незнакомого человека было лень, или же сил не хватало. А сокращенно прозвал телеграфиста я потому, что имею привычку наделять сокращенными обозначениями людей, неприятных мне, словно одним только этим они становятся недостойны полных нормальных человеческих имен. Словом, все тут было пока непонятно мне, начиная от ТТ и кончая собакой. Вспомнив о собаке, я по ассоциации вспомнил и о еде. Чем они ее кормят?

Что они сами едят, если, как утверждают, поезда не бывает здесь месяцами? Да даже когда он бывает, разве на нем привозится провизия, если он стоит здесь всего лишь пять секунд? Все было странно, сомнительно, загадочно… А женщина, между тем, все еще продолжала стоять на пороге моей комнаты, не решаясь войти.

– Входите, – сказал я, чувствуя неловкость оттого, что заставил ждать старую женщину, но не извиняясь, чтобы они поняли, что нельзя меня беспокоить, когда им вздумается пообщаться с новым человеком.

– Извините, – произнесла она, и в ее усталом голосе послышалась одышка, хрип неблагополучных легких и еще множество старческих болезней, одолевавших ее рыхлое тело, казалось, насильно всунутое в нечто, что затруднительно было бы назвать платьем; скорее напоминающее балахон, нечто темное, бесформенное, дающее понять, что с одеждой у них туговато; и я тут же вспомнил молодых ТТ и дочку

начальника, их убогую, старую, хоть и безупречно вычищенную одежду.

– Извините, – повторила женщина и колыхнулась в комнату, вошла и, казалось, заполнила все оставшееся после столика, шкафа и койки пространство комнатки.

– Прошу прощения, – уже становясь назойливо-церемонной, произнесла она, силясь выдавить на своем лице улыбку, и сейчас же обнаружился маленький букетик полевых цветов в ее руке. – Это вам… С приездом.

Учитывая сумятицу в моей голове в связи с необычной ситуацией, в коей я пребывал, последние слова ее прозвучали для меня с издевкой, хотя можно было поклясться, что никаких издевательских ноток в ее тоне не было. Я машинально принял букетик, не зная, куда его пристроить, стал вертеть в руке.

– Очень тронут, – невнятно пробормотал я. – Очень мило…

Она вдруг без приглашения уселась на койку и, заметив мой недоумевающий взгляд, который, впрочем, я изо всех сил старался погасить, проговорила глухим голосом:

– На этой кровати умер мой сын, – она помолчала, потом продолжила печальным голосом. – Это случилось позапрошлым летом. У него открылась чахотка. Скоротечная чахотка. Он и всегда, с самого детства, был слабенький, а тут вдруг, разом… Телеграфист давал телеграммы одну за другой, но никто не ответил. У нас не было лекарств, а поезд не

приходил уже пятый месяц… – она, словно утомившись от долгого разговора, замолчала, переводя дыхание.

– Он умер здесь? – я показал букетиком на кровать, и не нужно было быть слишком наблюдательным, чтобы заметить брезгливость этого жеста.

Но женщина, отдышавшись, невозмутимо, будто и не было моего вопроса, продолжала: – Мы его похоронили за вокзалом, совсем недалеко отсюда… Хотя начальник и возражал, чтобы могила была слишком близко к вокзалу, но я попросила, я сказала – мне тяжело идти далеко, и он разрешил… Мы похоронили его, справили поминки, все честь честью. А через шесть дней приехал Поезд. Правда, в нем не было врача. Да и лекарств они не привезли. Да и вовсе не остановились. Может, там и был врач, он все равно не успел бы помочь, если б сын еще был жив. Может, это и к лучшему, что он не дождался Поезда? Все-таки он до последнего часа жил надеждой, что Поезд придет, и ждал его, как спасения. И если бы Поезд так при нем… Это было бы для него жестоким ударом… Может, и к лучшему, что не дождался… Ему было двадцать шесть лет, моему сыночку… – она неожиданно поднялась, тяжело охнув, и медленно пошла к двери, уже выходя, обернулась и сказала: – Я покажу вам его могилу, если хотите. По-моему, если б он был жив, вы бы с ним подружились, у него был такой мягкий характер, да и возраста вы, если не ошибаюсь, почти одного. Я покажу вам его могилу, – повторила она и, кажется, я кивнул, и она сказала еще:

– А все-таки хорошо, что вы приехали. Вы нам расскажете, как там, как в большом мире живут… Хотя нет, начальнику это не нравится. Мы даже не включаем радио, а у нас есть радио… Правда, нет линии радиопередач, просто стоит коробка радио, мертвая коробка, но все же… все же оно когда-то было радио, говорило, как живое… Нет, мне тоже не нравится, нам всем не нравится узнавать новости. Так мы привыкли вы понимаете? Если хотите есть, спускайтесь вниз, провизией у нас занимается мой муж и дочь начальника станции. Сейчас не время для еды, но для вас, наверняка, сделают исключение, – проговорив все это, она не спеша, как-то заторможено притворила за собой дверь и скрылась из глаз. Под ее медленными старческими шагами заскрипели половицы в коридоре, а затем скрип послышался от деревянной лестницы, ведущей в зал. Я машинально крутил в руке букетик, потом, заметив его, отшвырнул в сторону и сел за стол. В голове был такой невообразимый кавардак, что не могло быть и речи сейчас сосредоточиться, собраться с мыслями; все это не укладывалось в сознании, не подчинялось никакой логике и скорее напоминало дурной сон, когда спишь и знаешь, что это сон, и если он неприятный, то надо только заставить себя проснуться. Я даже грешным делом ущипнул себя, чтобы… Впрочем, я прекрасно понимал, что это явь. И было странным еще и то, что с того момента, как я очутился здесь, на станции, прошло каких-нибудь часа два, а я, понимая всю абсурдность ситуации, в какую попал, в то же

время чувствовал, как постепенно принимаю все, как должное, вживаюсь в эту неправдоподобную ситуацию; наверно потому, что перед глазами были люди, давно уже вжившиеся и считавшие это вполне естественным. Что все это явь, а не сон, лишний раз подтвердил стук в дверь, после чего дверь сразу же открылась и вошел начальник станции. – Вы, наверно, проголодались? – спросил он.

Я молча кивнул, продолжая сидеть за столом.

– Новый человек для нас тут – событие потрясающее, – сказал он.

– Честно говоря, мы все страшно переполошились.

– Понимаю, – кивнул я.

– Нет, – сказал он, – вы всего не можете понять. Я четырнадцать лет начальник этой станции, приехал сюда четырнадцать лет назад с семьей. Через два года после меня приехал телеграфист. Это был последний человек за двенадцать лет, которого я видел выходящим из вагона на нашей станции. Все остальные жили тут до нас, некоторые уже померли, от старости, от болезней. У нас есть даже свое маленькое кладбище, здесь недалеко, – он помолчал, потер лоб, будто силясь вспомнить что-то.

– Вы садитесь, – предложил я ему, воспользовавшись возникшей паузой.

– А? Нет, нет. Да, вспомнил. Вот что я зашел… Мы тут, вы уже поняли, наверно, живем сообща, так сказать, коммуной, у каждого – свои обязанности… Я вам хотел показать наше

хозяйство, мы сами производим продукты, ну, вы увидите… Есть корова, куры, поросята, огород, сад фруктовый, – в его тоне явно сквозила гордость за перечисляемое и было видно, как он сдерживается, чтобы не назвать все остальное и не быть смешным. – Все создавалось понемногу, а некоторые вещи были здесь еще до моего приезда. Самый старый среди нас был отец теперешнего сторожа. Он умер всего три года назад в преклонном возрасте, но почти до последнего своего часа выполнял свои обязанности, работал потихоньку, так за работой и помер… А потом и внук его скончался сын сторожа… Вам жена его, наверно, уже рассказала?.. Это была его комната… Так вот… О чем я?.. А! Ну, значит, мы давно распределили между собой обязанности и выполняем каждый свою работу. И вам найдется дело. Сами понимаете, нельзя вам в сложившихся обстоятельствах быть не при деле. Следующий поезд неизвестно еще когда придет, а пока…

– Разумеется, – сказал я. – Я готов делать любую работу, какая понадобится.

– Да? – спросил он чуть недоверчиво и было заметно, как словно гора свалилась с его плеч, видно, он не очень-то надеялся на мою покладистость; настороженность с их стороны к новому человеку вполне понятна. – Я очень рад, что вы так сказали, – бесхитростно проговорил он. – Нам тут, сами понимаете, дорога каждая пара рук, нас не так-то много, а дел гораздо больше, еле справляемся. Когда вот так живешь и можешь надеяться только на себя, чтобы не умереть с го-

лоду, это ведь совсем другое дело, верно? Это ведь не в городе на всем готовом, – он опять замолчал.

– Понятно, – сказал я, видя, что он не собирается продолжать. – Может, вы присядете?

– О нет! – встрепенулся он, оторвавшись от своих мыслей.

– Я хотел только позвать вас немного подкрепиться, а потом, если хотите, мы осмотрим наше хозяйство и найдем вам какую-нибудь работенку. Вы что умеете? – спросил он. Вопрос этот своей необычностью резал слух, был не из того мира, от куда привез меня Поезд; он, этот вопрос, был слишком из их мира, чтобы не повиснуть в воздухе этой мрачной комнатки. «Вы что умеете?» – спросил этот человек, и фраза его какое то время еще продолжала звучать у меня в ушах, как качает ветку давно улетевший ветер. Я стал вспоминать, что я умею существенного, что могло бы пригодиться в данной ситуации. Не ерунду, вроде бумагомарания, чем нравилось мне заниматься в «той» жизни (вот еще интересный момент: с моим появлением здесь у меня, как, наверно, и у них, словно прошла черта по жизни, деля ее на два периода – до попадания в призрачный Городок и после того, как я очутился здесь, на станции), не ерунду, которая в большом обществе, в многолюдных городах может прокормить, а настоящее. Настоящее! Что же я умею?..

Я немного занимаюсь точечным массажем и иглоукалыванием. Снимал боли, утомление, бессонницу…

– Неплохо, – сказал он и выжидающе посмотрел на меня.

Когда-то, давно, я работал строителем, готовил панели для крупноблочных домов.

– Вряд ли это может понадобиться, – сказал он.

– Да, – вспомнил я совсем далекое, – еще вот самое главное, наверно: я очень люблю ухаживать за деревьями. Еще мальчишкой на даче. Отец научил. Деревья и цветы. У нас были фруктовые деревья и кусты роз. Я справлялся…

– Это хорошо, – сказал он, – это может пригодиться. Правда, у нас садовником сторож, но вы могли бы ему помогать, верно?

– Конечно, – сказал я, – с удовольствием.

– Ну ладно, – сказал он. – Еще я мог бы взрыхлять землю для посадки, рыть, – пояснил я, делая жест, будто в руках у меня лопата, и почему-то заговорив с ним как с глухонемым, – рыть землю.

Он усмехнулся. – Я понял, – сказал он.

Еще я немного плотничал, но тоже очень давно, могу вспомнить, если понадобится.

– Ладно, – сказал он. – Пойдемте вниз. Сейчас день, а днем у нас никто не отдыхает. Только ночью. Вы хоть и приехали только что, но не будете исключением.

– Хорошо, – сказал я. – Я и не собирался отдыхать.

Мы с ним вышли из комнаты, дверь которой никак не запиралась, ни изнутри, ни снаружи, и, спустившись вниз по узкой, скрипучей лестнице (здесь вообще, на первый взгляд, пока человек не привыкнет, все казалось слишком узким и

скрипучим: комнаты узкие, будто вагончики, коридоры узкие – не протолкаться вдвоем, даже зал продолговатый, со скрипящими, поющими половицами и огромной, но тоже узкой печью до потолка, напоминающей тендер старинных паровозов), очутились в зале.

– Да, вот еще, – сказал я, видимо, неосознанно придержав напоследок то, что требует публика, которая и окружила нас в зале. – Момент, – сказал я и стал вытаскивать у него из кармана бесконечную красную ленту. – Ап! – сказал я и вытащил из его уха золотой, продемонстрировав всем и то и другое.

– О! – воскликнул начальник станции. – Золотая монета!

Я показал на ладони всем, в восхищении затаившим дыхание, маленькую желтую монетку.

– Давно я не видел денег, – сказал начальник станции, протягивая руку к золотому. – Это вы вытащили из моего уха?

– В какой-то мере, – уклончиво ответил я.

– Значит, это мой золотой? – наивно поинтересовался он.

– Нет, – сказал я. – Это моя монета. Просто я показал вам фокус.

– Фокус? – сказал он.

– Да. Это фокус, – пояснил я. – Ловкость рук, понимаете?

– Не совсем – признался он. – Значит, монета не моя?

– Папа, – обратилась к нему дочь, – это фокус, как в цирке показывают, помнишь?

– Не совсем, – повторил он. – Смутно. Фокус, – раздумчиво повторил он, с сожалением, неохотно возвращая мне монету.

Вы могли бы как-нибудь продемонстрировать нам ловкость ваших рук? – несколько жеманно опросила дочь начальника станции. – Мы здесь так отвыкли от всяких таких зрелищ…

– Конечно, – сказал я, – с удовольствием.

Все здесь в зале были в сборе и начальник станции вторично представил нас друг другу. Они опять разглядывали меня, как экзотическое чудо, невиданную диковинку, чуть ли не с раскрытыми ртами разглядывали. Видно, как и для меня многое было здесь уму непостижимо, так же и у них не укладывалось в сознании, как мог человек выйти из поезда на их станции и так запросто вторгнуться незваным в их жизнь. Вторично представил нас начальник станции, наверно, по своей обычай забывчивости, причем никто не стал перебивать его и напоминать, что знакомство уже состоялось. Промолчал и я, повторно пожимая руки. Сухие рукопожатия, растерянные глаза, ни намека на улыбки. Все, как в первый раз, только чуть помягче, чуть затушевано небольшим промежутком времени, когда я сидел в комнате, а у них была возможность все обсудить и немного привыкнуть к уже свершившемуся факту. Что интересно, начальник станции знакомил нас точно так же, как и в первый раз, не произнося' ни единого имени, так что, можно было подумать, что имена

здесь утратились за долгие годы пребывания вне большого мира. Не спросил он и моего имени. – Это наш сторож, это телеграфист, это моя дочь, это жена сторожа, – говорил он, – это буфетчица, это моя жена, прошу вас знакомиться, а это – пассажир, который по ошибке вышел на нашей станции, случайный пассажир, так сказать, представил он и меня, ни на букву не изменив своего прежнего представления, отчего я даже засомневался: на самом ли деле у него такая забывчивость, которую он старательно демонстрировал при каждом удобном случае? Тем не менее, мы все без единого слова, без единого звука вторично перезнакомились. Мне показалось, что в отличие от остальных, дочь начальника станции как-то странно посмотрела на меня и несколько значительнее предыдущего рукопожатия пожала мне руку, задержав ее на миг дольше в своей руке. Я не стал придавать этому значения, отнеся это в счет впечатления от нового человека. Позже некоторые из них, подобно ТТ, стали для меня (имен я так и не узнал) одной или двумя буквами, но пока еще предстояло пожить среди них. Начальник станции сказал: «Прошу», показав рукой на маленькую дверцу, выходящую на заднюю, гораздо более узкую, чем передняя, платформу вокзала, и мы вышли осматривать хозяйство и подыскивать мне подходящее дело. Покормить меня, видно, забыли и я не стал напоминать, так как за всеми этими потрясениями дня не особенно ощущал голод. Мы вышли из зала на заднюю платформу, которая почти тут же, через шаг-полто-

ра обрывалась под ногами, возвышаясь меньше чем на метр над землей. Я спрыгнул с платформы и в который раз с недоумением посмотрел на бескрайнюю – насколько взгляд охватывал – степь. Начальник станции, спустившись по четырем кривым ступеням в конце платформы, подошел ко мне, глядя мне в лицо ничего не выражавшим взглядом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.